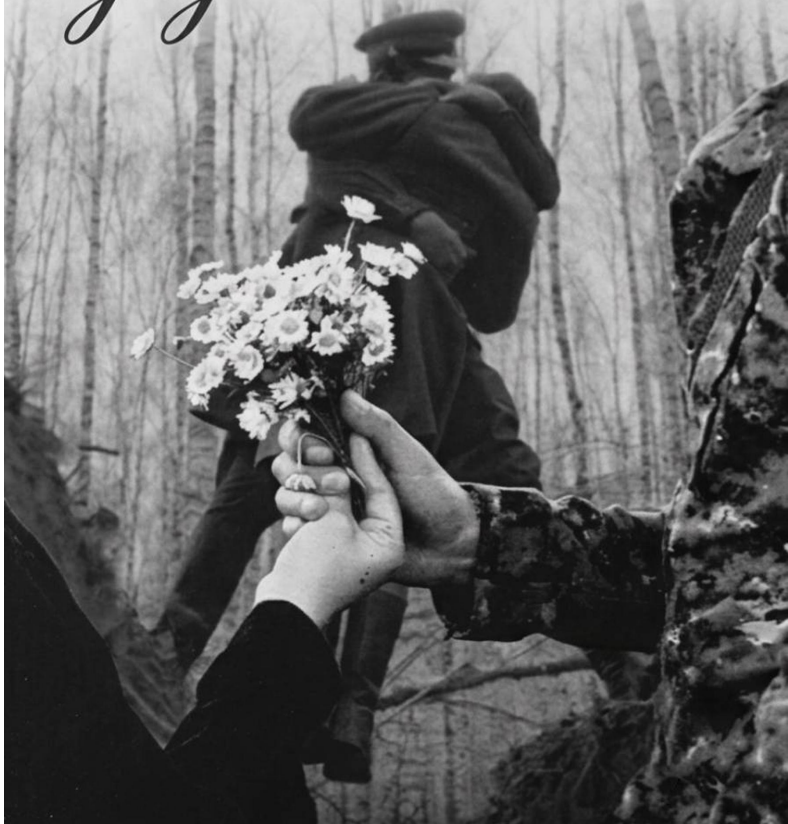

*Судьба
в двух письмах*

Аля Ромашка

Судьба в двух письмах

<https://litres.ru/74537063>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это история о любви, которая начиналась как обещание, а обернулась испытанием, ломающим изнутри. О словах, которые звучат как клятвы, но растворяются в тишине. О надежде, которая держится на одном дыхании, и о боли, которая, вопреки всему, становится дорогой к себе.

Главная героиня проходит через череду разочарований, пытаясь удержать то, что ускользает, оправдывать то, что ранит, и верить в то, что давно потеряло опору.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	33
Глава 4	39
Глава 5	43
Глава 6	47
Глава 7	50
Глава 8	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Судьба в двух письмах

Глава 1

Глубокая ночь стелилась по городу тягучим бархатом, укрывая улицы полумраком, в котором растворялись редкие огни. Алина сидела в своей маленькой съёмной квартире - в этих четырёх стенах тишина звучала особенно громко. Она допивала вторую бутылку белого сухого вина, и каждый глоток будто пытался заглушить ту самую пустоту, что разрасталась внутри, обжигая душу одиночеством.

И вдруг тишину разорвал короткий сигнал сообщения от подруги: «Алина, поехали в клуб! Я уже тут с друзьями!»

Я не любила клубы. Давно уже не выходила в свет, меня будто сковывала тяжёлая тень прошлого, глубокая депрессия, которая день за днём подтачивала силы. Но где-то в глубине души тлел упрямый огонёк бунтарства тот самый, который не терпел цепей и запретов. И сегодня он вспыхнул ярче обычного.

Я собиралась стремительно, почти лихорадочно: белое платье легло на плечи, лёгкий макияж едва коснулся лица, а волосы цвета спелого зерна рассыпались по плечам свободными волнами. В этом порыве было что-то отчаянное словно

я пыталась доказать самой себе, что ещё способна чувствовать, дышать, жить.

Выбежав из дома, она скользнула в такси, и даже в тёплом полумраке салона её не покидало ощущение звенящей пустоты. И вдруг, сама не зная зачем, она заговорила с водителем просто чтобы не слышать эту тишину.

Мне двадцать пять, тихо произнесла она, глядя в тёмное окно, за которым мелькали огни города, а я так и не встретила свою любовь.

Водитель на мгновение задержал взгляд на её отражении в зеркале, а потом спокойно, но твёрдо ответил:

Сегодня встретишь. Я это чувствую.

И в этих простых словах было столько тепла, что на миг ей показалось — пустота в груди чуть отступила.

И вот я врываюсь в клуб гул музыки обрушивается волной, накрывая с головой, и в этом шуме растворяются все мои прежние мысли. Спешно киваю подруге, едва успеваю бросить короткое «привет», и тут же устремляюсь к бару мне нужен ещё один бокал вина, будто он мог стать щитом от всего, что давило на плечи последние месяцы.

Забрав вино, я возвращаюсь к подруге и только тут замечаю: они стоят у самого входа, будто застряли между светом и тенью. Недоумённо смотрю на Аню, и она, понизив голос, чтобы перекричать бас, объясняет: с ними двое парней в военной форме, и охрана не хочет их пускать либо вообще, либо за цену в три раза выше обычной.

- Давай я оплачу им вход, выпаливаю я, не раздумывая.

Аня машет рукой, торопливо успокаивает:

- Не надо, вроде разобрались... Пойдём лучше к бару, посидим спокойно, выпьем.

Мы пробираемся сквозь толпу, и тут Аня, будто между делом, роняет:

- Тут парень есть, в отпуске после войны. Пообщайся с ним, может, хоть немного отвлечёшься.

Я не возражаю. Честно говоря, я была бы не прочь просто с кем-то по-новому поговорить о чём угодно, лишь бы не о себе.

Подхожу и вижу его: красивый, с пронзительно-голубыми глазами, в военной форме, будто только что сошёл с какой-то другой, более серьёзной жизни. Протягиваю руку:

- Алина.

Он чуть наклоняет голову, голос у него чуть хриплый, будто привык отдавать приказы, а не знакомиться в клубах:

- Артём.

Он был пьян - не буйно, а как-то устало, по-взрослому. И от этого пьянство казалось почти трогательным: он вдруг начал стесняться, отводить взгляд, будто не знал, куда деть свои большие руки. Отказывался говорить, будто боялся сказать что-то не то. Я тихо, спокойно заверила его, что всё в порядке, что не надо ничего из себя строить. Мы перекинулись парой фраз, но слова тонули в грохоте музыки, доносящемся с танцпола, получались какие-то обрывки, намёки на

разговор, а не сам разговор.

- Пойду потанцую, сказала я наконец, скорее чтобы дать ему передышку.

Артём вдруг встрепенулся, будто из тумана вынырнул.

-Ты будешь только с девочками? спросил он неожиданно серьёзно.

Я улыбнулась, чуть удивлённая этой внезапной настороженностью:

- Да, только с девчонками.

Он будто выдохнул, расслабил плечи, и в этом движении было столько облегчения, что меня тронуло. Мимолётная ревность от почти незнакомого парня это было странно, немного нелепо, но отчего-то очень тепло.

Я ушла танцевать. Сначала правда одна, но очень скоро меня окружили несколько парней они двигались вокруг, как будто я была центром притяжения, и от этого становилось не по себе. Чувствовала себя словно животным в цирке: на меня смотрели, оценивали, пытались поймать взгляд. Это раздражало, царапало где-то внутри, и я поспешила вернуться к бару.

Артём подошёл почти сразу, будто следил, не теряя из виду.

- Всё в порядке? спросил, наклоняясь ближе, чтобы я услышала.

-Да, ответила я, и сама удивилась, насколько искренне это прозвучало.

И тут он шагнул ближе и обнял меня, а потом поцеловал - так решительно, будто знал, что этот момент нельзя упустить. Я на секунду опешила от такого напора, замерла, пытаюсь осознать, что происходит... А потом что-то внутри растаяло, растворилось в его руках, и я прижалась к нему, впервые за долгое время чувствуя, что не одна.

После того как Артём ушёл, я так и осталась стоять посреди клуба оглушённая, будто мир на секунду перестал вращаться. Потом медленно, словно ноги не слушались, присела за бар и заказала ещё бокал вина. Холодное стекло приятно холодило пальцы, будто напоминало: ты всё ещё здесь, ты всё ещё чувствуешь.

И тут рядом возник Максим высокий, в военной форме, такой же отвратительный, как и в школе, и такой же невыносимый. Он всегда держался так, будто мир обязан ему поклоняться. Помню, как в те годы он строил из себя коронованного принца надменный, неприятный, отталкивающий не только лицом, но и тем, что пряталось внутри.

Он протянул бармену карту и нарочито громко произнёс:
- Я сам оплачу.

Я покачала головой, стараясь говорить спокойно, хотя внутри всё сжималось от раздражения:

- Спасибо, не нужно. Я могу за себя заплатить.

Максим криво усмехнулся эта улыбка всегда казалась мне насмешливой, будто он заранее знал, что ты проиграешь.

- Алина, привет. Не знал, что ты тут будешь.

Внутри всё похолодело, но я натянула вежливую улыбку, пряча отвращение:

- Привет. Спасибо, но я сама.

Тут подлетели девчонки, зашептали на ухо:

- Ну как тебе Артём?

- Очень милый парень, ответила я, и в этих словах было больше тепла, чем я ожидала.

- А тебя не смущает его возраст? спросила одна из них с хитрым прищуром.

Я даже не успела подумать, как выпалила:

- А его не смущает мой возраст?

Они дружно рассмеялись:

- Нет.

Только тут до меня дошло, и я вдруг спросила:

- А сколько ему вообще? На вид он мой ровесник.

- Девятнадцать, ответили они почти хором.

Эти слова ударили неожиданно. Девятнадцать... А мне уже казалось, будто за плечами целая жизнь. Я тут же начала прокручивать в голове чужие стандарты: по меркам общества я уже не так молода для него, пусть даже выгляжу на восемнадцать. Но я резко отбросила эти мысли. В конце концов, это просто клуб, просто флирт, просто ночь, которая утром растворится, как дым. Артём вряд ли вспомнит моё имя через неделю.

Девчонки убежали, а вскоре подошёл Артём в его взгляде читалась какая-то внутренняя тяжесть.

- Мне плохо... Выйду на улицу, проветрюсь, тихо сказал он.

Я тут же встала, не раздумывая:

- Я с тобой. Хочу просто поговорить, узнать тебя хоть немного.

На улице было неожиданно тихо будто город наконец выдохнул после ночной суеты. И вдруг он прижал меня к стене и снова поцеловал. Это было так внезапно, что я не успела ни подумать, ни испугаться. А потом мы оба застыли, смущённые, будто совершили что-то запретное. Я поспешно ушла обратно в клуб, оставив его на улице мне нужно было хоть на минуту спрятаться от собственных чувств.

В уборной я пыталась привести себя в порядок: поправить волосы, стереть смазавшуюся помаду, вернуть лицу хоть какое-то спокойствие. Когда я вышла, Артём уже ждал меня. Не успели мы и слова сказать, как подбежал какой-то парень и выпалил:

- Там ваши девчонки дерутся!

Мы выскочили на улицу, и глаза тут же резанул яркий свет - уже пять утра. Солнце вставало над городом, безжалостно освещая всё, что хотелось бы скрыть. Рядом стояла Аня с подругой не помню, как её зовут: Таня, Лена, Катя... Сейчас это не имело значения. Её подруга, выпив слишком много, набросилась на парней ей показалось, что они не так на неё посмотрели. Рядом метался её муж Саша, но он не заступался, не пытался успокоить, будто происходящее его не каса-

лось.

Мы втиснулись в эту суету, пытаюсь хоть как-то утихомирить всех. Тут же откуда-то появились ещё парни и девушка со светлыми кудрями бойкая, громкая и очень пьяна. Она тут же переключилась на Артёма и начала сыпать вопросами про войну. Я увидела, как на его лице мелькнула тень раздражения глубокая, усталая, будто эти вопросы вскрывали старые раны.

Не выдержав, я шагнула вперёд:

- Это не ваше дело. Не нужно задавать такие вопросы.

Они тут же притихли:

- Да, извини... Ну и бойкая у тебя девушка.

А у меня в голове пронеслось: «Я ничья девушка».

Постепенно толпа начала расходиться. Я подошла к Ане, и она стала рассказывать, с чего всё началось, пыталась собрать эту ночь в какие-то понятные слова. Но нас тут же прервал парень он подошёл и начал грубо, зло оскорблять мою подругу. Внутри всё закипело. Я сжала кулак и ударила его.

Он отшатнулся, злобно ухмыльнулся:

- Твой парень за это ответит.

Я крикнула ему вслед:

- У меня нет парня!

И в ту же секунду увидела, как он резко разворачивается и бьёт Артёма. Всё будто замедлилось: удар, движение, кровь. Я была шокирована, но понимала: парни должны сами разобраться. Драка нарастала, сердце колотилось где-то в горле,

но постепенно всё снова начало утихать.

Мы с Аней снова стояли рядом, пытались отдышаться, собрать мысли. И тут этот парень снова подошёл, грубо развернул меня и опять начал выкрикивать оскорбления в адрес Ани. Я не выдержала со всей силы ударила его по лицу.

Он снова прошипел:

-Твой парень ответит.

Я закричала:

-Да нет у меня парня!

Он снова двинулся к Артёму. Я пошла следом, и, сама не понимая, как, схватила его в этом белом платье, будто оно придавало мне смелости, и бросила через себя. Мы упали вместе, и я почувствовала, насколько он тяжёлый, насколько реальная эта ночь.

Парень больше не решался подходить. Артём поднял меня, и тут я увидела кровь на его губах один зуб был выбит. Я схватила салфетку, дрожащими руками прижала к его губе.

А он вдруг тихо, почти шёпотом, сказал:

- Раньше никто так за меня не заступался... И никто не вытирал мне кровь.

И в этих словах было столько одиночества, столько тихой благодарности, что у меня перехватило дыхание.

Аня подошла, прервав нас тихо сказала, что они уезжают домой.

Я кивнула:Хорошо.

Потом повернулась к Артёму, стараясь говорить спокой-

но, будто эта ночь уже укладывалась в прошлое:

- Мне тоже пора. Тебе бы тоже поехать, отдохнуть. Силы пригодятся.

Попрощалась с Аней, вернулась к Артёму. И вдруг, сама не зная зачем, предложила:

- Давай пройдемся до парка через дорогу. Хоть немного выдохнем и вызовем такси.

Он молча пошёл за мной, потом протянул телефон:

- На, вызови такси. У меня пальцы как чужие.

Я взяла телефон, спешно открыла приложение и тут взгляд сам собой зацепился за открытый мессенджер. Диалог с именем «Пуговка». Сердце на секунду сжалось, а потом устало отпустило. «Он в отношениях, мелькнула мысль, а тут со мной флиртует». Но следом пришла другая, спокойная и горьковатая: «Ладно. Мы всё равно больше не встретимся. Пусть это останется на его совести».

Я вызвала такси сначала до своего дома, потом до его. И в этот момент рядом возник Максим. В руке бокал виски со льдом, на лице эта его привычная усмешка.

- Алина, ну зачем тебе этот малолетка? Я тут. Взрослый. Сексуальный, протянул он с нарочитой ленцой.

Я мельком глянула на Артёма: в его глазах читались лёгкое непонимание и смущение будто он не знал, куда деть себя в этой чужой, взрослой игре.

Резко, почти грубо ответила Максиму:

- Тебя это не касается.

И тут же вспомнилось, как Аня подходила ко мне чуть раньше и шептала, что Максим подходил к ней, возмущался: почему она не сказала, что я приеду, почему дала мне познакомиться с Артёмом, а не сразу подтолкнула к нему. Аня ведь знала, как я терпеть не могла Максима ещё со школы. Да, тогда многие хотели быть со мной, многие пытались впечатлить статусом, деньгами, дорогими подарками. Но мне никогда не было до этого дела. Я смотрела только на то, как человек ко мне относится. И никто так и не запал в душу.

Максим усмехнулся, будто прочитал мои мысли:

- Захотела молодое тело? Ну, поехали к нам втроём, классно проведём время в постели.

Тошнота подкатила к горлу, горькая и резкая.

- Лучше бы за друга заступился, когда драка была, а не прятался где-то, выпалила я.

Он вспыхнул, голос стал злым:

- Да я сейчас разберусь!

И пошёл к той самой компании парней. Мы не слышали слов они были слишком далеко, но видели, как вся эта толпа вдруг сорвалась с места и двинулась в нашу сторону. Сердце ухнуло куда-то вниз, в пустоту.

Они дошли до парка, и тут они набросились на Максима. Артём заметался:

Я должен его защитить!

Я крикнула, почти закричала:

- Не должен! Он с тобой так не поступил!

Но Артём будто не слышал:

- Я так не могу! и рванул в эту толпу.

Рядом на лавку опустился какой-то парень, спокойно сказал:

- Не волнуйся, сами разберутся.

- Не разберутся, прошептала я, чувствуя, как пальцы сжимаются в кулаки.

В этот момент подруга написала: «Где ты?!» Я скинула ей короткое видео происходящего. Ответ пришёл сразу: «Брось их, уезжай домой!» Но я не могла. Просто не могла оставить всё вот так, посреди улицы, посреди чужой злости.

И тут подъехало наше такси. Водитель, молодой парень с усталыми глазами, не раздумывая, выбежал и бросился в толпу не драться, а растаскивать, разнимать, кричать, чтобы остановились.

А я вдруг почувствовала, как внутри что-то щёлкнуло спокойствие, твёрдость, будто ночь наконец отдала мне свои силы. Спокойно подошла к машине, открыла все двери. Первым закинула Артёма на заднее сиденье, следом Максима, потом водителя. Закрыла за ними двери. Парни сидели растерянные, толпа кричала: «Мы ещё не разобрались!»

Я спокойно, чётко сказала:

- На сегодня всё.

Села на переднее сиденье, повернулась к водителю:

- Сначала везём меня.

С заднего сиденья раздался голос Максима:

- Может, всё-таки с нами поедешь?

Я раздражённо, но без злобы ответила:

- Нет.

Машина тронулась. И тут я услышала, как на заднем сиденье Артём тихо заплакал. Звук был такой неожиданный, такой уязвимый, что я замерла. Я ведь себе, даже в самые тяжёлые дни, не позволяла плакать на людях. Считала, что должна быть сильной, стойкой. А тут плакал парень и в этом не было слабости, только чистая, ничем не прикрытая боль.

Мы ехали в тишине. Доехали. Я вышла. Артём выскочил следом, догнал, поцеловал меня и крепко обнял так, будто боялся, что я исчезну, растворюсь в утреннем воздухе. Внутри всё смешалось: тепло, тревога, нежность, усталость.

Я дала ему свой номер. Договорились встретиться сегодня после девяти мне нужно было отработать день до конца. «Ох, как я буду работать?» мелькнула мысль, но я тут же отогнала её. Сейчас было не до сомнений.

Бреду домой, а в голове калейдоскоп из фраз, взглядов, ударов, криков, тишины. Захожу в свою маленькую квартиру, и тут же ко мне летит моя любимая такса София, радостно виляя хвостиком, будто знает, что мне сейчас нужно это простое, тёплое, живое счастье.

Принимаю душ, смывая с себя запах улицы, дыма, чужих эмоций. Сажусь работать. Я маркетолог и даже после такой ночи работа ждёт. День тянется медленно, каждый час как испытание. Усталость накатывает волнами, но я держусь.

Держусь на энергии этой ночи на том, что она мне показала: я могу быть сильной, могу защищать, могу не сдаваться. И, возможно, могу наконец позволить себе чувствовать.

Рабочий день наконец подошёл к концу, часы будто тянулись бесконечно, каждый миг отдавался тяжестью в висках. Я уже собиралась выключить ноутбук, как вдруг тишину квартиры разорвал звонок. На экране высветился незнакомый номер. Секунду я колебалась: брать или не брать? Пальцы замерли над кнопкой, а в груди что-то тревожно ёкнуло. В итоге нажала «ответить».

- Привет, прозвучал в трубке голос Артёма. Такой простой, такой тёплый, будто он не звонил, а просто заглянул на минуту в мою усталость.

- Привет, ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, без надлома.

- Ну что, увидимся сегодня? спросил он, и в этом вопросе было столько надежды, что мне стало не по себе.

Я замерла, устало прикрыла глаза. Внутри всё сжалось от противоречий. Мне двадцать пять, ему девятнадцать. Эта разница вдруг встала между нами незримой стеной. «А нужно ли?» мелькнула мысль. И, не найдя в себе сил на долгие объяснения, тихо сказала:

- Не сегодня. Я очень устала.

В трубке повисла короткая пауза, и в ней я слышала его разочарование тихое, сдержанное, но такое осязаемое.

- Ну хорошо, произнёс он наконец, и голос его стал чуть

глуше, будто он старался скрыть обиду.

Едва я положила трубку, как тут же пришло сообщение от Ани: «Поехали в бар, отдохнём!» Я снова замешкалась, пальцы зависли над клавиатурой. Но внутри вдруг поднялась волна странного, почти отчаянного желания ещё одного приключения, хоть капли жизни, которая не будет состоять из обязанностей и тишины. Слишком давно я никуда не выходила. С тех самых пор, как умерла мама. Тогда на меня обрушилось столько всего: заботы, ответственности, чужих ожиданий. А потом пришла депрессия тяжёлая, липкая, высасывающая силы капля за каплей.

Не раздумывая больше, я надела облегающее чёрное платье оно всегда придавало мне уверенности, словно броня из ткани и кроя. Чмокнула в нос радостно виляющую хвостом Софию и выбежала из квартиры, будто боялась, что если остановлюсь хоть на минуту, то снова увязну в привычной рутине.

Мы встретились с Аней. С ней был её брат Дима высокий, симпатичный, уверенный в себе парень. А я помнила его совсем другим: маленьким, капризным мальчишкой, который вечно ныл и не хотел гулять. Из-за него нас с Аней столько раз наказывали, когда мы отказывались брать его с собой. Рядом стояла Таня она была влюблена в Диму, и это читалось в каждом её взгляде, в каждом неловком движении.

Мы сели за столик. Музыка лилась вокруг, обволакивая, унося прочь дневные тревоги. Заказали напитки и тут же

шумно, перебивая друг друга, начали

обсуждать прошлую ночь всё, что случилось со мной, казалось теперь частью какой-то другой, почти нереальной жизни.

Дима начал флиртовать со мной не грубо, но настойчиво, с этой мальчишеской уверенностью, которая так часто маскирует неуверенность. Мне это не нравилось. Он был слишком юным, слишком не в моём вкусе. Восемнадцать лет целая пропасть между нами, даже если внешне он казался взрослым. Таня ревниво поглядывала на нас, и я пыталась ей объяснить, что он мне не нужен, что для меня в нём нет ничего притягательного. Но слова будто растворялись в шуме бара, не доходя до её ушей.

Потом мы пошли в караоке. И вот, стоя у микрофона, выводя знакомые строчки, я вдруг почувствовала, как на сердце становится горько. Я ведь обманула Артёма: сказала, что устала, что буду отдыхать, а сама уехала веселиться. Эта мысль царапнула изнутри, но я тут же отмахнулась от неё: «Зачем ему нужна взрослая девушка? Только на одну ночь, только чтобы развеяться. И всё».

Ночь медленно подходила к концу. Мы вышли на улицу, прохладный воздух немного отрезвил, но не успел я выдохнуть, как Аня снова попала в передрагу, ввязалась в драку с какой-то девушкой. Я стояла и думала: «Ну почему опять? Почему всё всегда так?»

Я бросилась разнимать их, отчаянно переживая, что Аня

наделает глупостей, что случится непоправимое. Ведь дома её ждёт маленькая темноволосая дочка крохотное, самое дорогое существо, ради которого она должна была беречь себя. Я пыталась растащить их, кричала, просила остановиться, но в суматохе меня толкнули, и я упала, сильно разбив коленку. Боль вспыхнула острой волной, но я даже не успела её осознать на место уже подъезжала полиция.

Мы всё рассказали, как могли, коротко и сбивчиво, стараясь не утяжелять историю лишними деталями. В итоге я оставила Аню разбираться с формальностями, а сама поехала домой, чувствуя, как усталость наваливается тяжёлым плащом.

Дома, едва переступив порог, я увидела на экране телефона сообщение от Артёма. Сердце пропустило удар. Я застыла, не зная, что делать. И снова, не найдя в себе смелости сказать правду, написала: «Гуляла с собакой, упала, разбила коленку».

Ответ пришёл почти сразу: «Ты как? Сильно больно? Я вечером приеду, привезу мазь». И от этих простых слов внутри что-то дрогнуло, растаяло. Меня поразило до глубины души: раньше никто не переживал за меня. Я всегда держалась стойко, всегда справлялась сама, не позволяя себе слабости. А тут... я вдруг почувствовала себя хрупкой, живой, настоящей. И я таяла от этого беспокойства, от этой тихой заботы.

Вечером мы встретились возле моего дома. Я надела но-

вую розовую куртку — она казалась такой лёгкой, такой неуместной на фоне всего, что происходило.

Но мне хотелось выглядеть красивой, хотелось, чтобы он увидел не только усталость, но и что-то светлое во мне.

Артём пришёл. Он тихо улыбнулся, стараясь не показывать выбитый зуб, пряча смущение за этой неловкой полуулыбкой. Протянул мне тюбик с мазью. Я взяла его, а потом, сама не понимая, как решилась, встала на цыпочки и легко поцеловала его в щёку.

Он так резко смутился, будто этот поцелуй обжёг его.

-Мне пора, выпалил он и почти убежал, оставив меня стоять в растерянности.

А я осталась, глядя ему вслед, и думала: «Не напугала ли я его? Не слишком ли много всего сразу?» Ветер шевелил волосы, розовая куртка казалась теперь не такой уж и весёлой. Но где-то внутри теплилось что-то новое то, что ещё не имело названия, но уже жило, дышало, ждало своего часа.

Глава 2

Шли дни, и каждый из них приносил одно и то же: уведомление, короткое и настойчивое, от Артёма. Он писал каждый день без пафоса, без тяжёлых признаний, просто: «Как ты?», «Что сегодня было?», «Можно увидеться?» И от этой спокойной, упрямой заботы мне становилось одновременно тепло и тревожно.

Я мучилась мыслями, прокручивая всё снова и снова, будто пыталась собрать из разрозненных кусочков ясную картину. К чему приведут эти встречи? Что будет потом, когда весна схлынет, а за ней уйдёт и это странное, хрупкое притяжение? И самое главное не пожалею ли я потом, что позволила себе шагнуть чуть дальше, чем собиралась?

В голове крутились чужие, когда-то услышанные фразы: «Он слишком молод», «Тебе нужно что-то серьёзное», «Не трать время на то, что всё равно исчезнет». Но рядом с ними всё чаще появлялось тихое, упрямое: «А если это именно то, чего мне сейчас не хватает?»

И вот настал тёплый весенний вечер понедельника. Воздух был уже по-настоящему лёгким, без той колючей прохлады, что цеплялась за плечи ещё пару недель назад. Город

будто выдохнул после долгой зимы и теперь мягко улыбался прохожим.

Я собиралась на встречу с подругой привычное, надёжное, понятное. Надевала джинсы, лёгкий свитер, который пах домом и спокойствием, смотрела на себя в зеркало и вдруг поймала себя на мысли: «А почему бы не добавить к этому вечеру ещё одну встречу?»

Пальцы сами потянулись к телефону. Экран вспыхнул, будто подсказывая: сейчас самое время. Я набрала сообщение, стараясь, чтобы слова звучали легко, без надрыва:

«Давай встретимся в парке после того, как посижу с подругой. Если тебе удобно».

Отправила. Секунды тянулись, как тягучий мёд. Потом пришла точка он печатает. И почти сразу:

«Да! Конечно. Я буду. Где именно? Я приду пораньше, посижу, подожду».

Он рьяно соглашался, будто боялся, что я передумаю, если он хоть на секунду замешкается. И от этого в груди что-то тихо дрогнуло не тревога, а что-то похожее на предвкушение.

Я улыбнулась, сама не зная чему, и спрятала телефон в карман. Подруга уже ждала, и вечер звал вперёд но теперь в нём было что-то ещё. Не просто посиделки, не просто разговоры ни о чём. А продолжение той самой ночи, которая никак не хотела заканчиваться.

Мы встретились с подругой в уютном ресторане негром-

кий гул голосов, мягкий свет ламп. Заказали по бокалу белого вина; пузырьки лениво поднимались к поверхности, будто торопились рассказать какую-то свою, незаметную историю.

Разговор шёл ни о чём: о новых сериалах, о странных объявлениях в домовом чате, о том, что весна никак не может окончательно прогнать остатки зимы. Я слушала, кивала, улыбалась в нужных местах, но внутри всё сжималось от одного-единственного невысказанного слова. Мне хотелось сказать: «А потом я пойду в парк на встречу с парнем», но язык будто прилипал к нёбу.

Я боялась её взгляда, боялась даже не слов, а той едва уловимой складки между бровями, которая появлялась у неё всякий раз, когда она считала, что я делаю что-то опрометчивое. В её молчании мне уже слышалось тихое осуждение: «Он слишком молод. Ты себе только сердце разобьёшь. Зачем тебе это?» И я прятала эту мысль, как прячут в кармане хрупкую вещь, боясь, что она разобьётся от одного неловкого движения.

Время бежало предательски быстро будто кто-то подкрутил невидимый рычажок, и минуты стали мелькать, как кадры старой киноплёнки. Я всё чаще поглядывала на часы, и это не укрылось от подруги. Она заметила, улыбнулась чуть лукаво:

- Куда-то торопишься?

- Нет-нет, быстро ответила я, отводя взгляд и делая глоток вина, чтобы скрыть дрожь в голосе. Просто день какой-то

суетливый.

Наконец мы попрощались. Она ушла в одну сторону, я в другую, и с каждым шагом по вечернему городу напряжение нарастало, стягивая нервы в тугой узел.

По дороге в парк я встретила бабушк маленькую, сгорбленную, в тёплом платке, накинутом поверх пальто. Перед ней на складном стульчике стоял ящик, а в нём подснежники. Белые, трогательно хрупкие, они казались крошечными обещаниями тепла среди ещё прохладного воздуха. На улице уже смеркалось, тени ложились на тротуары, и прохожих становилось всё меньше. У бабушки остался последний букет, и никто его не брал. Она смотрела на него с тихой надеждой, будто верила, что кто-то обязательно остановится.

И я остановилась. Не потому, что хотела цветов, а потому, что не могла вынести этой тихой, упрямой надежды в её глазах.

- Сколько? спросила я.

Она назвала совсем небольшую сумму, и я протянула деньги, забирая букет. Тонкие стебли холодили пальцы, а запах был свежим, чуть горьковатым запах самой весны, только-только пробившейся сквозь землю.

Пока я шла дальше, в голове крутилась одна и та же мысль: «Как он поймёт, что это значит свидание с цветами? Может, решит, что я хотела сделать ему приятно. Или подумает, что я от другого парня. Или вообще ничего не подумает...» Я пыталась придумать, как всё объяснить, но слова

рассыпались, не складываясь ни во что толковое. «Ничего, твердила я себе. Смогу всё объяснить».

Вот и парк. Дорожки, уже тронутые вечерней сыростью, фонари, зажигающиеся один за другим, словно робкие звёзды. Я дошла до места, где мы договорились встретиться. Огляделась. Его не было.

Сердце ухнуло куда-то вниз, а потом забилося часто-часто, будто пыталось догнать ускользнувшее спокойствие. «Может, он опоздал. Может, застрял в пробке. Может, просто не успел». Но секунды тянулись, тяжёлые и пустые, и страх, тихий и липкий, начал подбираться ближе: «А вдруг он передумал? Вдруг понял, что всё это не для него? Вдруг меня уже успели бросить, даже не начав ничего?»

Руки дрожали, когда я спешно набирала сообщение. Экран светился в полумраке, буквы выплывали, будто нехотя. Ответа не было. Тогда я нажала на вызов.

Он ответил почти сразу, голос звучал растерянно, немного виновато:

Прости... Я не могу найти это место. Я вообще тут ничего не знаю, город для меня чужой. Смотрю по сторонам и не понимаю, куда идти. Тут какие-то арки, лавочки, вдалеке что-то светится...

Я закрыла глаза, выдохнула, собирая мысли в кучу. По его описанию я поняла, где он на площади Музыки. Это было совсем недалеко, просто в другой части парка.

Не двигайся, сказала я спокойнее, чем чувствовала. Я

знаю, где ты. Сейчас приду.

И пошла, почти побежала по дорожкам, прижимая к себе букет подснежников. Ветер шевелил лепестки, и они чуть дрожали, будто тоже волновались. Площадь Музыки показалась из-за поворота фонари выхватывали из темноты знакомые очертания, а в центре, растерянный и немного смешной в своей растерянности, стоял Артём.

Он увидел меня, и на лице мелькнуло такое облегчение, что у меня вдруг растаял весь страх. Не было ни осуждения, ни неловкости только этот живой, настоящий человек, который просто потерялся в чужом городе и ждал, что его найдут.

Мы шли по ночному парку, и с каждым его словом во мне всё сильнее шевелилось неловкое, колючее чувство. Артём говорил громко, нарочито твёрдо, будто хотел не просто рассказать, а пробить воздух своей уверенностью. Он сыпал историями о том, какой он смелый, какой сильный, как ни перед чем не отступает и от этой бравады у меня во рту появлялся горький привкус, словно я жевала что-то несвежее.

Я ловила себя на мысли: «Что я тут делаю?» Эти хвастливые рассказы всегда действовали на меня как наждачная бумага по коже. Я слишком хорошо знала эту породу самоуверенности: за ней почти всегда прячется что-то хрупкое, неуверенное, а порой и вовсе обратное тому, что человек так старательно выставляет напоказ. И от этого становилось не по себе будто меня пытались убедить в чём-то, чего попросту не существовало.

Мы шли и шли, пока не добрались до дома моей сестры. Я вдруг почувствовала, что мне жизненно необходимо оказаться там среди привычных вещей, среди запаха чая и старых фотографий, где можно выдохнуть и собрать себя заново.

- Давай остановимся тут, тихо попросила я, указывая на место чуть в стороне от подъезда. Не хочу, чтобы она увидела нас из окна.

Он послушно замер, будто и сам не знал, куда девать эту свою громкую уверенность теперь, когда вечер вдруг стал тише.

И тогда я, сама не понимая, откуда взялась эта внезапная твёрдость, шагнула к нему и поцеловала в губы. Просто. Решительно. Без долгих взглядов и вздохов. Он опешил я увидела, как в его глазах мелькнуло удивление, смешанное с растерянностью, и это мгновение было таким настоящим, таким нетеатральным, что мне даже стало чуть жаль. Но жалость тут же растворилась в странной, острой гордости я сделала то, что хотела, и не стала тянуть.

С гордо поднятой головой, с этим странным чувством маленькой победы, я развернулась и пошла к подъезду. Дверь щёлкнула за мной, отрезая парк, ночной воздух и его застывший силуэт.

У сестры было тепло и спокойно. Алкаголь уже ждал на столе, и я, сбросив куртку, начала рассказывать сначала сбивчиво, потом всё ровнее, выкладывая вечер, как рассу-

паннные бусины, пытаюсь нанизать их на одну нить. Сестра слушала, кивала, иногда вставляла короткие фразы, и от этого мне становилось легче.

Но где-то посреди рассказа я вдруг осеклась, взглянув на телефон. Прошло уже несколько часов. А от Артёма ни слова. Ни сообщения, ни намёка на то, что он вообще помнит, что мы были там, в парке, под фонарями.

В груди что-то тихо ёкнуло. «Ну вот, подумала я, стараясь не придавать этому значения. Значит, точно напугала. Перегнул палку со своей бравадой, а потом испугался собственной смелости. Или просто понял, что всё это не то».

Я спрятала телефон экраном вниз, будто он мог выдать моё разочарование, и снова повернулась к сестре, заставляя себя улыбаться и говорить о чём-то будничном о работе, о проделках её детей.

Но в глубине души уже шевельнулась тихая, упрямая мысль: «Наверное, мы больше не встретимся». И от неё было не столько горько, сколько спокойно будто закрылась дверь, которую и не стоило держать открытой.

И тут телефон тихо звякнул пришло сообщение от него. Какое-то нелепое, смешное видео из тех, что заставляют невольно улыбнуться, даже если день выдался тяжёлым. А следом короткий вопрос: «Ты ещё у сестры?»

Я ответила: «Да».

И почти сразу пришло следующее: «Давай я тебя провожу до дома».

В груди что-то дрогнуло не тревога, а какое-то лёгкое, почти детское предвкушение. Я согласилась, и мы быстро договорились: он будет ждать за домом сестры.

Я спешно чмокнула сестру в щёку, пробормотала он ждёт и выскользнула из квартиры, будто боялась, что если задержусь хоть на минуту, волшебство этого вечера растает.

Выбежав из подъезда, я вдруг увидела, как какой-то парень метнулся в сторону, выкрикнув на ходу: «Меня тут не было!» и исчез в полумраке улицы. Я не смогла сдержать смешок всё это выглядело так комично, будто я попала в какую-то странную, но очень живую сцену из фильма.

А потом я увидела Артёма. Он стоял, расплываясь в широкой, искренней улыбке, с рюкзаком за спиной. В этой улыбке не было ни прежней бравады, ни попыток казаться кем-то другим только радость оттого, что я пришла.

- Кто это был? спросила я, всё ещё улыбаясь.

- Друг. Он принёс вторую куртку для тебя, просто ответил Артём, будто это было самое обычное дело на свете.

Эти слова вдруг тронули меня до самого сердца. Не громкие обещания, не клятвы, а вот эта тихая, незаметная забота про куртку, про то, чтобы мне не замёрзнуть. В этом было столько настоящего, столько тепла, что у меня на секунду перехватило дыхание.

Мы пошли тихо, неспешно, болтая обо всём на свете о пустяках, о детстве, о странных привычках, о любимых фильмах и самых нелепых страхах. Смеялись так, будто знали

друг друга уже много лет, будто не было ни неловкости, ни разницы в возрасте, ни всех тех сомнений, что терзали меня раньше.

Дошли до моего подъезда. И тут он вдруг остановился, посмотрел на меня так, словно хотел запомнить каждую чёрточку, каждую тень в моих глазах. А потом наклонился и поцеловал.

Невероятное тепло разлилось по моему телу мягкое, глубокое, будто кто-то зажёл внутри тихий, ровный огонь. Мы стояли под сиянием звёзд, и время будто потеряло свою власть над нами. В перерывах между поцелуями мы снова болтали о чём-то совсем незначительном, но в ту минуту казавшемся невероятно важным. Потом снова целовались, и мир вокруг становился всё тише, оставляя только нас двоих и этот бесконечный, звёздный вечер.

Так мы простояли до самого рассвета пока небо не начало светлеть, пока звёзды не стали гаснуть одна за другой, уступая место новому дню. И когда первые лучи коснулись крыш домов, мы, немного смущённые и невероятно счастливые, приняли простое, но такое важное решение: попрощаться и пойти по домам, чтобы потом снова встретиться уже не в спешке, не между делами, а просто потому, что хочется быть рядом.

Он улыбнулся, чуть наклонил голову, будто хотел запомнить этот момент навсегда, и тихо сказал:

- До встречи.

- До встречи, ответила я, чувствуя, как внутри всё поёт от какого-то нового, ещё не до конца понятного чувства.

И он смотрела мне вслед, пока я не скрылась в подъезде, а я потом медленно поднялась к себе, зная, что этот рассвет я запомню надолго.

Глава 3

Дни шли, чтобы успеть вместить в себя каждую мелочь. Между срочными письмами, звонками и горящими дедлайнами я всё чаще ловила себя на том, что смотрю на экран телефона не ради рабочих чатов, а в ожидании одного-единственного имени. Артём появлялся в самые неожиданные моменты - когда солнце уже начинало клониться к закату, а воздух становился прохладнее. Он приходил в перерывах между своими делами, просто чтобы посидеть со мной возле подъезда. Не на какие-то долгие прогулки, не в шумные кафе, а вот так на сорок минут. Он рассказывал про нелепые случаи на работе, Я смеялась, а он смотрел на меня так, будто мой смех был самой ценной наградой. Он слушал внимательно, не перебивая, иногда только кивал или тихо хмыкал, будто складывал эти истории к себе в карман, чтобы потом, в одиночестве, доставать и перебирать по одной. А в те минуты, когда мы не могли встретиться, он писал. Каждую минуту - нет, конечно, не буквально, но казалось именно так. Иногда я отвечала сразу, иногда откладывала телефон, чтобы доделать срочное, но потом всё равно возвращалась к этим сообщениям, перечитывала, улыбалась и чувствовала, как внутри становится теплее. Это была какая-то особенная забота

— не громкая, не требующая оваций, а тихая, повседневная. Она жила в этих коротких встречах у подъезда, в случайных историях, в бесконечных сообщениях, в том, как он старался просто быть рядом, даже если рядом получалось быть совсем недолго. И постепенно эти маленькие кусочки времени — час тут, десять минут там, пара сообщений между делами — начали складываться в нечто большее. В привычку, в ожидание, в ту самую тонкую нить, которая связывает двух людей не грандиозными поступками.

В один из вечеров телефон тихо звякнул, и на экране светилось его сообщение. Короткое, без привычных шуток, без смешных видео просто: «Я себя очень плохо чувствую. Не могу быть сейчас один. Поеду ночевать в часть».

Внутри у меня всё сжалось. Я тут же написала: «Давай я привезу тебе лекарств». Но он ответил быстро, будто боялся, что я буду настаивать: «Не надо. Лучше я заеду к твоей сестре, хоть мельком тебя увижу и потом сразу в часть».

Я согласилась, но в голове уже созрело другое решение тихое, упрямое, которое я не стала ему озвучивать.

Он приехал. Я встретила его у подъезда он стоял, ссутулившись, будто тяжесть собственного тела вдруг стала невыносимой. Лицо было бледным, глаза усталыми, с той самой пустотой, которая появляется, когда сил не хватает даже на улыбку.

- Пошли домой, спокойно сказала я, не спрашивая, не уговаривая, а просто беря всё в свои руки.

И он не стал спорить. Не стал объяснять, что ему надо в часть, что нельзя задерживаться, что он и так слишком много отнимает времени. Просто кивнул и пошёл за мной, как человек, которому наконец разрешили просто выдохнуть.

Мы поднялись ко мне. Квартира встретила нас тишиной и тёплым полумраком я заранее приглушила свет, будто боялась, что яркий свет сделает его боль ещё заметнее. Он прошёл в комнату, просто опустился на кровать и закрыл глаза.

Я села рядом. Тихо, осторожно гладила его волосы сначала неуверенно, потом всё смелее, пока не почувствовала, как под моими пальцами постепенно уходит напряжение, как плечи опускаются, как дыхание становится глубже и ровнее. Он расслабился в моих руках, и от этого у меня внутри что-то тихо дрогнуло будто я наконец сделала то, что должна была.

Он не шевелился, только вздыхал во сне, будто даже эти лёгкие прикосновения были ему необходимы. Когда я потянулась к носкам, он вдруг резко дёрнулся, подскочил, распахнув глаза, весь напрягшийся, готовый защищаться будто из сна его выбросило в какой-то другой, пугающий мир.

В ту секунду я замерла, сердце ухнуло куда-то вниз. На долю мгновения мелькнула страшная мысль: «А вдруг он ударит? Вдруг не узнает меня в этом полумраке, в своей боли?»

Но тут его взгляд сфокусировался. Он увидел меня просто меня, сидящую рядом, с вытянутой рукой, с испуганными глазами. И напряжение схлынуло с него, как вода уходит

сквозь пальцы. Он моргнул, будто стряхивая остатки кошмара, снова лёг и почти сразу, едва слышно выдохнув, снова провалился в сон.

Я посидела ещё немного, прислушиваясь к его дыханию, а потом осторожно, чтобы не потревожить, сняла с него оставшуюся одежду и укрыла пледом. И легла рядом, обнимая его не крепко, не сдавливая, а так, чтобы он чувствовал: тут нет опасности, тут тепло, тут можно просто быть слабым и знать, что тебя не осудят.

Так мы и лежали: он во сне, который наконец стал спокойным, я в тишине, прислушиваясь к тому, как постепенно выравнивается его дыхание. И в этой тишине я вдруг поняла, что забота она не в громких словах, не в клятвах и обещаниях. Она вот в этом: в том, чтобы просто быть рядом, когда человеку плохо, в том, чтобы снять носки, даже если изза этого он на секунду испугается, в том, чтобы обнять и не отпускать, пока ночь не станет чуть светлее, а боль чуть тише.

Часы тихо отсчитывали минуты. За окном сгущалась темнота, город постепенно затихал, а я всё лежала и думала: пусть эта ночь будет самой спокойной из всех, что ему пришлось пережить. Пусть он проснётся и почувствует, что кто-то был рядом и не ушёл.

Я проснулась от того, что солнце, пробравшись сквозь щель в шторах, ласково щекотало кожу на лице. Тёплые, по-

что игривые лучи будто уговаривали: «Открой глаза, день уже здесь».

Я приоткрыла веки и первое, что увидела, было его лицо. Спокойное, расслабленное, без привычной суеты и той бравады, которую он иногда на себя надевал, как тяжёлую броню. Сейчас он был просто собой чистым, настоящим, без лишних масок. И от этой простоты у меня внутри что-то тихо запело.

Он чуть приоткрыл глаза, улыбнулся так тихо, будто боялся спугнуть утро, и прошептал:

- Спасибо, что была рядом.

Эти слова легли мне на сердце тёплым, тяжёлым и одновременно невесомым грузом как что-то очень важное, что хочется сберечь.

Мы пролежали так ещё минут десять, обнявшись, не спеша разрывать это хрупкое пространство, где не было ни тревог, ни сомнений, ни чужих ожиданий. Просто мы. И казалось, что если отпустить друг друга хоть на секунду, это утро рассыплется, как песок сквозь пальцы.

Но время не стояло на месте. Часы тикали, день звал вперёд, и вскоре пришлось вставать. Я проводила его до двери, помогла накинуть куртку, машинально поправила воротник будто эти мелкие, бытовые жесты могли продлить ту тишину, что жила между нами. Он улыбнулся, коснулся моей руки совсем легко, почти невесомо и ушёл, растворяясь в утреннем шуме города.

В груди всё трепетало так, будто внутри распускался какой-то новый, доселе незнакомый цветок.

Я вдруг поняла: я влюбляюсь. Не той головокружительной, слепой влюблённостью, что приходит и уходит, как летний ливень, а глубже, тише, основательнее. Это было чувство, которое прорастало сквозь сомнения, сквозь привычку держать дистанцию, сквозь старую, въевшуюся мысль: «Со мной что-то не так. Я просто не умею любить».

А оказалось умею. Просто раньше не было того самого человека, ради которого эта способность могла проснуться.

И тут же следом пришла другая мысль острая, честная, от которой хотелось зажмуриться, но я не стала. Я позволила ей быть. Потому что понимала: этот человек тот, кто либо останется со мной на всю жизнь, станет её тихой опорой и главным смыслом. Либо разобьёт моё сердце вдребезги так, что я больше не захочу никого подпускать близко. И тогда останется только одиночество. Но даже его я буду любить и ценить, потому что оно будет памятью о том, что я вообще умела чувствовать так глубоко.

Я закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и стояла так несколько мгновений, прислушиваясь к себе. А потом улыбнулась тихо, почти про себя и пошла заваривать кофе. День ждал. И я была готова его встретить.

Глава 4

Мы часто встречались просто так, без повода. Гуляли под светом полной луны, болтали о пустяках, которые в ту минуту казались самыми важными на свете, смеялись над тем, как нелепо падает тень от фонаря, целовались там, где нас никто не видел, и от этого всё становилось только дороже. И это чувство лёгкое, но такое глубокое, будто оно прорастало куда-то в самую суть, было невероятным. Оно не давило, не требовало, а просто жило рядом, согревая даже в самые серые дни.

В один из тёплых, почти летних дней он пришёл ко мне, и по тому, как он держался чуть напряжённо, будто подбирал слова, я сразу поняла: что-то случилось.

- Нужно срочно уехать по рабочим делам. На пару дней, сказал он, стараясь говорить спокойно, но в голосе всё равно сквозила неловкость, будто он сам ненавидел эти слова.

Меня будто холодной водой окатили. Внутри всё сжалось, и захотелось просто схватить его за руку и сказать: «Не уезжай. Хоть ещё день. Хоть ещё час». Но я всё понимала: работа, обязательства, дела, которые не ждут. И я кивнула, улыбнулась, хотя улыбка получилась натянутой, и тихо сказала:

- Я всё понимаю. Возвращайся скорее.

Он уехал. Дни потянулись медленно, каждый час будто растягивался, становясь длиннее. Мы переписывались, но эти сообщения, такие нужные, всё равно казались слишком короткими, слишком далёкими.

А потом пришло то самое сообщение. Не про работу. Не про то, что задерживается. А про другое. Про то, что ему придётся уехать «за ленту», туда, где идёт огонь войны.

Я стояла, сжимая телефон в руках, и чувствовала, как пальцы становятся ледяными, а сердце колотится где-то у самого горла. Руки дрожали так, что буквы на экране будто расплывались. Тревога накатывала волнами, тяжёлая, густая, не дающая дышать. И в этот самый момент, среди этой паники, вдруг пришла кристально чистая, острая мысль: «Я люблю его». Не «мне с ним хорошо», не «я к нему привязалась», а именно люблю. Так сильно, что от этой любви становилось страшно.

Не думая, почти не осознавая, что делаю, я набрала короткое сообщение: «Я люблю тебя». Нажала «отправить», зажмурилась, будто это могло защитить меня от того, что будет дальше, и убрала телефон, спрятав его в карман, как что-то опасное.

Внутри всё сжималось от переживаний и за него, туда, в эту неизвестность, и за себя, за эти слова, которые уже нельзя было забрать назад. В голове крутилось: «Какая же я глупая... Призналась в любви, когда мы вместе так мало времени... Он подумает, что я несерьёзная, что не умею держать

себя в руках...»

Телефон тихо звякнул. Я не хотела открывать. Боялась увидеть что-то вроде: «Не надо так, давай не будем торопиться» или вообще ничего просто тишину, которая ранит сильнее любых слов. Боялась прочитать, что я глупая, глупая дуручка.

Но потом всё-таки достала телефон. И там было не то, чего я боялась.

«Я тоже тебя люблю. И хочу, чтобы мы съехались. Чтобы жили вместе».

Слова ударили в самое сердце одновременно и теплом, и холодом. Я стояла, перечитывала их снова и снова, и в груди всё пело и сжималось одновременно.

Но тут мой разум, всегда такой осторожный, наконец взял верх. Он заговорил тихо, но твёрдо, как взрослый, который останавливает ребёнка на краю обрыва: «Нет, Алина. Рано. Вдруг всё не так, как тебе кажется. Вдруг ты сейчас принимаешь страх за любовь, а отчаяние — за близость. Вдруг он говорит это, потому что ему страшно уезжать, и ему нужно за что-то держаться».

Артём вернулся через несколько дней. Не с парадным стуком в дверь, не с букетом и не с громким «я дома» просто позвонил, и в этом привычном, будничном звуке вдруг прозвучало что-то огромное, почти священное. Он пах дорогой, холодом вокзального ветра и чем-то своим, родным, что я успела выучить наизусть за эти короткие недели. Его куртка

была прохладной, а под ней тёплое, живое, настоящее. И это тепло пробивалось сквозь ткань, сквозь мою дрожь, сквозь все слова, которые никак не хотели складываться во фразы. И в тот момент я поняла: иногда любовь это не красивые слова и не клятвы под звёздами. Иногда это просто крепкие объятия, в которых ты боишься разжать руки, потому что без них мир становится слишком хрупким. А сейчас он был здесь, рядом, тёплый и настоящий. И этого было достаточно.

Глава 5

Артём всё чаще оставался у меня, и с каждым разом расставаться становилось тяжелее будто с каждым «до завтра» из дня вытягивали что-то важное, без чего он становился пустым. Мы привыкали к ритму друг друга: к тому, как он по утрам щурится от солнца, как я прячу нос в его форме, когда на улице холодно, к тому, как тишина рядом с ним не давит, а становится уютной.

В один из вечеров мы лежали, обнявшись, смотрели какой-то фильм тот самый, где герои говорят слишком много, а нам хотелось говорить слишком мало, потому что всё и так было понятно. Но вдруг я почувствовала тяжесть не просто в его объятиях, а в нём самом: будто внутри него копилось что-то, что уже не помещалось, и давило на грудь.

- Нам нужно поговорить, тихо сказал он, не глядя на меня, словно боялся, что мой взгляд помешает ему вытолкнуть эти слова наружу.

Внутри всё сжалось. Я напряглась так, что каждая мышца будто окаменела, но постаралась не подать виду. Улыбка осталась прежней тёплой, спокойной, будто я ничего не боюсь.

- Хорошо. Давай поговорим.

Он чуть помедлил, будто прислушиваясь к себе, а потом вдруг выпалил:

- Давай лучше выйдем, прогуляемся. И заодно я тебя с другом познакомлю.

В этот момент в голове пронеслось тысяча мыслей - диких, нелепых, пугающих. «Он хочет расстаться». «Хочет сказать что-то страшное». «Зачем друг? Что за разговор втроём?» Я даже успела на секунду испугаться самого нелепого и тёмного, хотя знала, что он не такой. Тревога выдавала себя только в глазах они чуть потемнели, стали острее, но улыбка по-прежнему была нежной, будто я защищала её как щит.

Мы вышли на улицу. Вечер уже накинул на город мягкий плащ сумерек, фонари зажигались один за другим, и воздух был прохладным, но не злым скорее честным, будто приглашал говорить правду. Артём шёл рядом, но я чувствовала, что он не знает, как начать, что слова у него не складываются в ровные строчки. Он то открывал рот, то снова закрывал, будто пробовал их на вкус и находил горькими.

И вдруг, резко, как будто сбросил с себя тяжёлый мешок, он выпалил:

- Меня переводят в Санкт-Петербург. Учиться, на высшую должность. Алина... поедешь со мной?

Я шла чуть впереди, будто пыталась убежать от этого вопроса, хотя на самом деле хотела только одного успеть ответить, пока он не успел его забрать назад. И ответила быстро, почти на выдохе, так, что даже сама удивилась своей решимости.

мости:

- Да.

Он замер. Совсем остановился посреди тротуара, будто земля под ним вдруг стала чужой.

- В смысле... «да»? — переспросил он, будто слово не доходило до него, как звук сквозь толстое стекло. Я думал, тебе нужно время. Подумать. Всё бросить... это же тяжело.

А я повернулась к нему, смотрела прямо, без колебаний, и в груди было так легко, что казалось, я могу взлететь.

- Я не хочу думать. Я хочу быть с тобой.

Он шагнул ко мне, обнял крепко, так, что стало трудно дышать но это была хорошая трудность, та, от которой внутри всё поёт. Целовал меня, будто не верил, будто пытался убедиться, что я настоящая, что это не сон, не случайное слово, сказанное на ветру.

- Я даже не ожидал, шептал он между поцелуями, смеясь и удивляясь одновременно. Я готовился к «дай мне время», к «мне надо всё взвесить»... а ты просто сказала «да».

Я прижалась к нему, спрятала лицо у него на груди и тихо, но твёрдо произнесла:

- Я готова пойти за тобой хоть на край света. Готова стоять рядом в любой момент нашей жизни, в самом лёгком и в самом тяжёлом.

Он провёл ладонью по моим волосам, будто хотел запомнить это мгновение, этот вечер, этот мой ответ.

- Тогда мы всё сделаем. Вместе. Шаг за шагом.

И мы пошли дальше по улице, уже не торопясь, уже зная, что впереди не пустота, а дорога. И пусть она вела в другой город, в другую жизнь главное, что мы шли по ней вдвоём. А этого было достаточно, чтобы даже самые большие перемены казались не пугающими, а просто новыми страницами, которые нам предстояло написать вместе.

Глава 6

Мы встретили Влада. Он стоял, слегка расставив ноги, будто заранее занимал больше пространства, чем ему полагалось, и улыбался широко, но так, что улыбка не доходила до глаз. Артём радостно шагнул к нему, хлопнул по плечу, и в этом жесте было столько привычной, мужской простоты, столько доверия, что я сразу поняла: для Артёма Влад не просто приятель, а человек, с которым пройдена какая-то своя, отдельная дорога.

- Влад, это Алина, сказал Артём, поворачиваясь ко мне, и в его голосе звучало тихое, но твёрдое: «Ты важна, и я хочу, чтобы они увидели, какая ты».

Влад протянул руку:

- Алина. Очень приятно.

Мне так не хотелось её жать. Не из грубости, не из желания показать превосходство, а из этого самого внутреннего сопротивления будто я чувствовала, что его прикосновение оставит на коже невидимый, но неприятный след. Хотелось отступить на полшага, спрятать руки в карманы, сделать вид, что не заметила. Но я сделала это ради Артёма. Потому что уважала то, что для него этот человек значит. И потому что не хотела, чтобы наша встреча началась с неловкости, кото-

рую он потом будет пытаться сглаживать.

- Очень приятно, повторила я, и в этих словах не было лжи я старалась, чтобы в них прозвучала хотя бы капля искренности.

Влад чуть склонил голову, будто оценивал меня, как оценивают товар на витрине быстро, профессионально, без особого интереса, но с готовностью вынести вердикт. И тут же, не дожидаясь, пока я скажу хоть слово о себе, начал рассказывать про свою бывшую девушку Марину.

- Такая истеричная была, говорил он, чуть морщась, будто сам удивлялся, как вообще мог с ней связываться. Ревновала ко всем подряд. Я ей: «Да ты что, Марина, я вообще никого не вижу, кроме тебя», а она только громче кричала.

Он рассказывал это легко, почти весело, будто речь шла не о чьих-то настоящих чувствах, а о забавном анекдоте, который можно рассказать в мужской компании за кружкой пива. А я слушала и чувствовала, как внутри всё сжимается от неловкости не за него, а за ту девушку, которую он так небрежно раскладывал по полочкам, выставляя напоказ её слабости, будто они были его главным трофеем.

Артём слушал его, кивал, иногда вставлял короткое: «Ну, ты даёшь», и мне казалось, что он делает это не потому, что ему так уж интересно, а чтобы Владу было комфортно.

Тогда я ещё не знала, кто такая на самом деле Марина. Не знала, что её имя ещё прозвучит в моей жизни не как строчка из чужой, неинтересной истории, а как что-то, что оста-

вит свой след. Не знала, какое место она займёт в нашем с Артёмом мире. Но в тот вечер она была просто бывшей девушкой Влада одной из тех, о которых рассказывают с лёгкой усмешкой, чтобы показать, как тебе повезло, что ты от этого избавился. И я кивала, улыбалась, когда нужно, и старалась не морщиться, когда от его слов становилось неприятно.

Мы пошли дальше по улице, город вокруг жил своей обычной жизнью: кто-то спешил домой, кто-то стоял у витрины, кто-то смеялся в телефон. А я шла рядом с Артёмом, чувствуя, как его плечо иногда касается моего случайно, ненарочно, но от этого становилось чуть легче. Как будто это лёгкое, почти незаметное прикосновение смывало с меня ту самую липкость, которую приносил с собой Влад.

И я думала: пусть у него будут такие истории. Пусть он рассказывает их, и пусть Артём их слушает. Главное, что рядом со мной идёт тот, кто не выставляет чужие слабости на показ. Тот, кто, если мне станет тяжело, не станет разбирать меня по косточкам, а просто тихо скажет: «Я здесь». Но я ещё не знала, что ждёт впереди

Глава 7

Артём в итоге не уехал в Питер. Решение пришло не в громком разговоре, не в клятвах под звёздами, а в одном простом, будничном вечере, когда мы сидели на моей кухне, ужинали и вдруг одновременно поняли: зачем куда-то ехать, если самое важное уже здесь, рядом? И мы приняли решение съехаться на его квартире, чтобы жить вместе, как настоящая семья.

Я волновалась. Не от страха, а от того, как сильно всё это было. Мне ещё не приходилось делить быт с мужчиной, да ещё и в такой огромной, необъятной любви, когда каждое «доброе утро» звучит как признание, а каждое «я дома» как обещание. Волнение щекотало где-то под рёбрами.

Артём будто чувствовал моё беспокойство. Он сказал, что заказал клининг чтобы подготовить квартиру к моему заезду. В этом было столько заботы, столько желания сделать всё идеально, что у меня на секунду защемило в глазах. Это было так приятно... но я уже тогда тихо улыбалась про себя: всё равно всё перемою за ними. Не потому, что не доверяла, а потому, что хотела, чтобы каждая чашка, каждая полка, каждый угол были согреты моими руками чтобы квартира по-настоящему стала нашей.

Перед тем как окончательно переехать, Артём предложил встретиться с его друзьями уже почти как семейная пара. Мне хотелось, чтобы они увидели нас вместе, чтобы поняли: это не просто «девушка Артёма», а мы единое целое.

Мы приехали в назначенное место, и тут телефон Артёма тихо звякнул. На экране высветилось имя: «Марина». Ревность подступила к горлу мгновенно, горячий, колючий волной. Я даже не успела её прогнать она просто ударила, как внезапный порыв ветра. Но я не подала виду. Только чуть крепче сжала пальцы, спрятав их в складках сумки, и улыбнулась, будто всё в порядке.

- Это жена Лёши, друга моего, с кем мы встречаемся, спокойно объяснил Артём, будто и не заметил, как у меня внутри всё сжалось.

И правда, вскоре к нам подошли Марина и Лёша. Марина была совсем не такой, какой я её себе нафантазировала в ту секунду, когда увидела имя на экране. У неё были длинные пшеничные волосы, пышные чёрные ресницы, она казалась юной и хрупкой, будто её можно было сдуть лёгким порывом ветра. Но в её взгляде была какая-то настороженность она сторонилась меня, будто я когда-то сделала ей что-то плохое, будто между нами уже была какая-то невысказанная история.

Мы сидели в парке, болтали, смеялись над чем-то пустяковым, и напряжение понемногу таяло, как утренний иней под тёплым солнцем. Потом решили пойти к нам домой про-

сто посидеть, продлить этот вечер, в котором всё становилось чуть ближе и понятнее.

В какой-то момент повисла неловкая пауза. Все будто ждали, кто первым её нарушит. И нарушила её Марина. Она повернулась ко мне, чуть наклонив голову, и заговорила сначала осторожно, подбирая слова, будто боялась сказать что-то не то. Диалог получился немного неуклюжим, как первые шаги по льду, но в нём не было злости, не было холода только попытка найти общий язык.

А потом она вдруг тихо, но очень искренне сказала:

- Знаешь, с тобой Артём стал взрослее. И лучше. Я этому очень рада.

Эти слова ударили в самое сердце но не болью, а теплом. В них не было ни зависти, ни скрытого упрёка, ни желания уколоть. Только чистая, светлая радость за друга, которого она знала давно и которому желала счастья.

И тут я поняла: Марина вовсе не холодная. Просто она берегла своё тепло, не раздавала его всем подряд. Просто ей нужно было время, чтобы понять, что я не враг, что я тоже хочу, чтобы Артём был счастлив.

Я улыбнулась ей на этот раз без напряжения, без попытки казаться кем-то другим:

- Спасибо. Для меня это очень много значит.

Она кивнула, будто приняла мои слова, и в её глазах мелькнуло что-то вроде облегчения.

Вечер продолжался, разговоры становились свободнее,

смех громче, и я вдруг почувствовала, как из груди уходит последнее напряжение. Не потому, что всё стало идеально, а потому, что стало понятно: мы можем быть рядом, можем не быть лучшими подругами, но можем уважать друг друга. И этого достаточно.

Когда мы с Артёмом шли домой, он взял меня за руку, переплетя наши пальцы так крепко, будто боялся, что я вдруг исчезну.

- Ну как? тихо спросил он. Не слишком страшно?

Я прижалась к его плечу, вдохнула знакомый запах и улыбнулась:

- Не страшно. Наоборот. Как будто всё наконец встаёт на свои места.

Он поцеловал меня в висок, и мы пошли дальше, уже не торопясь, зная, что впереди не просто новая квартира, не просто новый быт, а целая жизнь, которую мы будем строить вместе, день за днём, шаг за шагом. И в этом было столько спокойствия и столько счастья, что казалось, будто весь город улыбается нам вслед.

Мы съехались, и эта ночь стала первой по-настоящему нашей без оглядки на время, без необходимости торопиться, прятать свои чувства или оставлять часть себя за порогом.

Мы стояли посреди комнаты, будто немного растерянные перед этой новой правдой: теперь мы будем засыпать и просыпаться здесь, вместе. И в этой неловкости было что-то удивительно правильное будто мы заново учились дышать в од-

ном ритме.

В эту ночь мы наконец оказались в объятиях друг друга так нежно и немного неловко, словно заново учились чувствовать близость, но вместе с тем страстно, отдавшись тому притяжению, которое так долго жило между нами.

Я так ждала этого уединения.

В ту ночь наши чувства словно сплелись воедино. Мы наслаждались каждым мгновением, каждой нежностью, каждым прикосновением, позволяя себе наконец прожить то, чего так долго ждали оба. Он целовал меня нежно, медленно спускаясь всё ниже, и от каждого прикосновения его губ по телу словно пробегал разряд электричества, его язык совершал невероятное. Я теряла ощущение времени, растворяясь в этой близости и в волнах чувств, которые он во мне пробуждал.

А потом он поднялся ко мне, притянул к себе и впился в мои губы таким страстным поцелуем, что у меня перехватило дыхание. В этот момент весь мир будто исчез - остались только мы, наши сбившиеся дыхания и бешеный стук сердец.

Он двигался медленно, словно хотел растянуть каждое мгновение нашей близости, и тихо, почти шёпотом, произнёс:

- Я так тебя люблю.

И от этих слов всё внутри меня замерло.

Глава 8

Мы учились жить вместе не в том красивом, глянцевом смысле, какой рисуют в мечтах, а по-настоящему: делить полки в холодильнике, спорить, чья очередь мыть посуду, привыкать к тому, что он оставляет полотенце на спинке стула, а я книги на всех горизонтальных поверхностях. И в этой бытовой суете, в этих мелких, почти незаметных столкновениях рождалось что-то настоящее: мы учились быть рядом не только в моменты, когда хотелось держаться за руки и смотреть на закат, но и когда хотелось просто тихо посидеть каждый со своим телефоном, зная, что другой здесь, близко.

Короткие расставания во время работы только подчёркивали, как сильно мы друг в друге нуждаемся. Стоило ему выйти за дверь, как телефон начинал тихо вибрировать: «Доехал», «Скучаю», «Просто хотел сказать, что ты у меня самая лучшая». Эти сообщения были как маленькие якоря они не давали разойтись слишком далеко, даже если между нами лежали километры городских улиц и часы разных графиков.

Но в один обычный день всё это вдруг замерло. Не резко, не с грохотом, а как замирает река перед тем, как её накроет льдом. Артём пришёл с работы, поставил рюкзак чуть аккуратнее, чем обычно, будто уже готовился к чему-то, и сказал

буднично, почти между делом:

- Меня отправляют в командировку. Долгую.

Слова прозвучали не как гром, а как тихий, но очень тяжёлый шаг по деревянному полу будто дом сразу стал чуть просторнее и оттого пустее. Я замерла с чашкой в руках, чувствуя, как тепло керамики медленно уходит сквозь пальцы.

- На сколько? спросила я, хотя уже боялась ответа.

Он назвал срок. Месяц. Может, больше. Всё зависело от того, как пойдут дела.

И тут же начались сборы. Не спешные, не хаотичные, а собранные, по-мужски чёткие: сложить вещи, проверить документы, собрать аптечку, положить зарядку, которую он вечно забывает. Каждое его движение было правильным, взрослым, нужным и от этого мне становилось только больнее. Потому что эти правильные, нужные движения отдаляли его от меня.

А потом он сказал то, что стало первой настоящей царапиной на сердце - лёгкой, но саднящей, которая не кровоточит, а просто ноет, напоминая о себе:

- Хочу последний день перед отъездом провести с ребятами. На всю ночь. И весь день тоже.

Внутри что-то дёрнулось, сжалось, обида поднялась горячей волной, обжигая горло.

- Как? спросила я, стараясь говорить спокойно, но голос всё равно дрогнул. Ты же будешь с ними в командировке! У тебя там работа, вы будете вместе целыми днями. А этот

день... он же последний. Он наш.

Артём посмотрел на меня, будто только сейчас понял, какую пропасть я вижу между «провести день с друзьями» и «провести последний день со мной».

- Я просто... хочу попрощаться нормально. Они столько раз меня выручали.

- Разве нам не нужно попрощаться друг с другом? Не как будто это просто «ещё один день», а как будто это что-то важное?

Он шагнул ко мне, хотел обнять, но я чуть отстранилась не чтобы оттолкнуть, а чтобы он увидел, что мне больно, чтобы не сглаживал это «ну не злись» и «я же тебя люблю».

- Прости, тихо сказал он, и в его голосе было столько усталости от того, что он сам не может подобрать нужных слов, что мне вдруг захотелось его пожалеть. Но обида не давала.

- Я не хочу, чтобы ты извинялся, прошептала я. Я хочу, чтобы ты понял. Для меня этот день не просто день. Это граница. После него всё будет по-другому.

Мы стояли друг напротив друга, и между нами впервые легла эта неловкость не бытовая, не про полотенце на стуле, а настоящая, от которой сжимается сердце.

- Я думал, ты поймёшь, сказал он, будто оправдываясь. Что это не про то, что ты для меня не важна. Это про то, что я должен всё расставить по местам.

- А разве я не часть этих мест? Разве я не тот самый важный угол, который нельзя оставить незакрытым?

Он помолчал, посмотрел на свои собранные вещи, потом снова на меня — и вдруг будто увидел не просто расстроенную девушку, а ту, кому он делает больно, даже не желая этого.

- Ты самый важный угол, тихо произнёс он. Самый главный. Прости, что я это не показал так, как нужно.

Я опустила глаза, чувствуя, как обида понемногу оседает, как пыль после сильного ветра.

- Просто... не уходи в эту командировку с чувством, что ты что-то недоделал. Сделай так, чтобы тебе было спокойно. Но дай мне хотя бы вечер. Один вечер, чтобы мы могли просто побыть вдвоём, без спешки, без «надо ещё успеть к ребятам». Чтобы я могла тебя обнять и сказать: «Возвращайся». И чтобы ты знал, что я буду ждать.

Он подошёл, на этот раз не спеша, и обнял меня крепко, но осторожно, будто боялся, что я всё ещё могу отстраниться.

- Один вечер, повторил он, уткнувшись мне в волосы. Я выдохнула, и слово «да» сорвалось с губ сквозь стиснутые зубы - такое тихое, почти беззвучное, но в нём уместилась вся тяжесть момента. Он уехал, а меня тут же сковал озноб - не от холода, а от той глухой, колючей злобы, что расплзалась по венам.

Дрожащими пальцами я набрала Ане: «Еду к тебе, в загородное кафе». Слова легли на экран ровно, будто я и правда держала себя в руках, хотя внутри всё ходило ходуном.

Потом надела то самое короткое чёрное платье - настолько короткое, что оно едва прикрывало ягодицы, дерзко, почти вызывающе. Секунду помедлила, глядя на своё отражение, а потом всё же отправила фото Артёму.

Его реакция пришла почти мгновенно - он был шокирован, это чувствовалось даже сквозь безликие строчки сообщений. Я успела только доехать до подруги, как телефон снова завибрировал: «Приезжай ко мне. Будь со мной. Не хочу, чтобы ты там была».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.